

ЯКОВЛЕВ Лев Сергеевич / Lev S. YAKOVLEV

Россия, Саратов.
Поволжская академия государственной службы им. П. А. Столыпина. Кафедра социологии,
социальной политики и регионоведения. Доктор социологических наук, профессор.

Russia, Saratov.
P. A. Stolypin Volga Region Academy of Public Administration.
The Department of sociology, social policy and regional history. PhD in sociological sciences, professor.

lionel1801@gmail.com

ПЛЮРАЛИЗМ И ИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ ПРОЦЕССОВ ИДЕНТИФИКАЦИИ КАК ЭФФЕКТ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Современная массовая культура демонстрирует явления, рядом исследователей интерпретируемые как дегуманизация. Фокус внимания авторов, читателей (зрителей) смещается с героев и ценностей, принадлежащих человеческим сообществам, на иные, альтернативные. Этот процесс рядом авторов интерпретируется как дегуманизация, но может быть понят иначе, как замещение ксенофобии толерантностью. При этом в социокультурном пространстве ксенофобия оказывается выражением страха утраты идентичности. По нашему мнению, здесь проявляется кризис традиционных моделей идентификации, как одно из проявлений общего кризиса модерна. Глобализация утверждает гомогенизацию экономического, политического, культурного пространств, что предполагает и размывание существующих социальных общностей, замену действующих типов социальной организации сетевым. При этом неизбежной является и индивидуализация процессов идентификации.

Ключевые слова: идентификация, глобализация, социокультурное пространство, модерн, постмодерн, социальные общности, сетевая организация, социальные изменения, индивидуализация

Pluralism and the individualization of the processes of identification as an effect of globalization

Quite a few investigators interpret new phenomena in contemporary mass culture as dehumanization. Dehumanization occurs when the attention of an author, reader, or viewer shifts from the character and values of human communities to alternative attributes and there is a crisis in traditional models of identification. Some authors interpret this process as dehumanizing. The author defines it differently, as substituting tolerance for xenophobia. In the socio-cultural context, xenophobia is an expression of a fear of loss of identity. In the author's opinion, this crisis is a manifestation of a general crisis of modernity. Globalization suggests the homogenization of economic, political and cultural spaces, such that the existing social community and forms of social organization are replaced by social networks. The inevitable result is an individualization of processes of identification.

Key words: identification, globalization, socio-cultural space, modern, postmodern, social communities, the social network organization, social change, individualization

Фиксация изменений в структурах социокультурного пространства может, помимо непосредственного значения, играть и роль эффективного инструмента диагностики социальных изменений. Один из недавних образцов анализа кинотекста, осуществленный В. Полищук, может служить в этом плане хорошим примером. Автор констатирует, что «в центр новой мифологии по-

степенно и очень уверенно выходит новый герой, исчезает противостояние добра и зла, усиливается этическая амбивалентность... мы видим преднамеренную расстановку акцентов: симпатии повествователя (то есть режиссера), частично или, что чаще, всецело, оказываются на стороне героя-чудовища». В. Полищук типизирует сложившиеся модели процесса, определяемого ею как

дегуманизация: выход на позицию главного героя не вполне антропоморфного персонажа, или метаморфа, представление героя антропоморфного стоящим вне оппозиции «добро-зло»¹.

Для нас представляется принципиально важным эти ситуации не объединять механически. Если в последнем случае речь с очевидностью идет о ситуации аномии, об отражении киноискусством происходящей в социуме смены типов морали, то в первых двух — о преодолении ксенофобии. Разумеется, эти вещи взаимосвязаны, но лишь постольку, поскольку в каждой данной системе морали заложены и принципы отношения к «чужим».

Тема толерантности к непохожим отнюдь не возникает в культуре постмодерна. «Аленький цветочек», «Кентервильское привидение» не уникальны, но возникли в пространстве устойчивой традиции. Я бы выделил также ряд текстов Сетона-Томпсона, прежде всего, «Домино», при обращении к которым сочувствие всякого вменяемого читателя явно будет не на стороне так называемых антропоморфных персонажей. Однако, кино последних двух десятилетий действительно предоставляет материал иной плотности: героев, пришедших из-за пределов, или с периферии человеческих сообществ, в культовых фильмах больше, чем «типичных характеров в типических обстоятельствах». С. Антонов в своем анализе «темы вампиров» выделяет по сути, лишь одно из проявлений общей тенденции: эльфы, гномы, киборги, маги, инопланетяне теснят людей повсеместно.

Прежде всего, отметим очевидное. Противопоставление «хороших» нелюдей «плохим» людям отнюдь не означает дегуманизации даже в границах общепризнанной морали. В том же «Домино» ключевая ситуация конфликта полностью может быть прочитана в соответствии с нравственными нормами, преподаваемыми в воскресной школе. Конечно, лисы — хищники, они не пишут книг и не снимают фильмов, но когда толпа озверевших вооруженных людей преследует одну-единственную лисицу, готовая растоптать девочку, к которой та бросается за защитой, моральная оценка ситуации очевидна. Она основывается на нравственной максиме, которую сохраняет в себе любой, не разложившийся окончательно социум, безотносительно к степени усвоения им христианских, буддистских, джайнистских норм: как писал в пору наиболее интенсивной пропаганды «новой» морали в СССР Е. Евтушенко «и если сотня, воя оголтело, бьет одного, хотя бы и за дело, сто первым я не буду никогда». В кинотекстах, о которых идет речь, описанный механизм также присутствует, в том числе

и в привлекаемой в дискурс В. Полищук «Поттериане»: маргиналами, изгоями выступают не только оборотни Блэк, Люпин, но и сам Поттер в пору своего пребывания в роли Золушки у Дадли, да и Думблдор в моменты обострения конфликтов с министерством магии.

Что касается собственно ксенофобии, она присутствует в кинотекстах, литературе популярных жанров, в двух основных формах. Инструментальная («День независимости», «Чужие» и подобным им тексты), которой продолжается за пределы человеческого сообщества логика его внутренних конфликтов, и, значительно более интересная для нас, «чистая» ксенофобия, выражающая страх утраты идентичности. Классическим примером последней могут служить «Жук в муравейнике» и, особенно явно, «Волны гасят ветер» братьев Стругацких. Почти четыре десятилетия назад Стругацким удалось почувствовать разлом, разделяющий общество на ушедших вперед по пути прогресса и безнадежно отставших. Здесь присутствуют, с одной стороны, неизбежная утрата интереса «продвинутой» части общества к проблемам, волнующим остальных, с другой, сочетание комплекса неполноценности с агрессией, вполне способное породить попытки силового воздействия на ситуацию. Вряд ли можно полагать нормальными тех, для кого чрезмерно поумневшие, ставшие непохожими на них самих, дети перестали быть людьми, однако ксенофобия и представляет собой случай патологии.

Но есть и более глубокий контекст. Сопоставление смыслов, заключенных в фильме «Молчание ягнят» и цикле о Шерлоке Холмсе, осуществленное В. Полищук, позволяет сделать и следующий шаг в рассуждении. Последняя сцена фильма Джонатана Дэмме политкорректно обрезана чуть раньше, чем доктор Лектер расправится с доктором Чилтоном — потому, вообще говоря, что это будет преступление, которое зритель воспримет с одобрением. Отсюда и вялые попытки Клариссы Старлинг помешать: полиция на страже закона, но бывают случаи, когда хочется, чтобы она немножко опоздала. Но если отсюда проводить параллель к эпопее о Шерлоке Холмсе, то не к профессору Мориарти, а к самому Холмсу, не раз ставящему себя над законом. Здесь, конечно, налицо и обычное в культуре, отнюдь не только русского народа, противопоставление законности и справедливости, но не только. Убить и съесть человека, каким бы мерзавцем он ни был, вообще говоря, не только закону, но и духу справедливости вряд ли может соответствовать — до тех пор, пока мы говорим о справедливости в пространстве эпистемы модерна.

Толерантность не существует сама по себе, порождающие ее установки продуцируют и ряд других характеристик миропонимания. Если использовать, для выделения среди них наиболее значимой, критерий степени

¹ Полищук В. Кинотекст: массовая культура, сказка, миф. // Интерактивный раздел «Международного журнала исследований культуры» <http://www.culturalresearch.ru/ru/cinema/35-kinotext>

остроты критики со стороны тех, для кого вся модель в целом оказывается чуждой, то в их терминологии такой характеристикой будет то, что они называют инфантилизмом. Одна из первых оценок такого рода на российском материале высказана была по поводу цикла С. Мартынич в конце 90-х годов,¹ затем инфантильность все чаще приписывается постмодернистскому дискурсу в различных его выражениях. Ситуация эта заслуживает специального анализа.

Е. Петрова, чьи тезисы активно используются в интерпретациях инфантилизма, следующим образом описывают «стратегию брошенного ребенка» как одну из доминант культуры постмодерна: защита от боли, стремление к модным вещам, императив роста, потребность в эмоциональном опыте, стремление к овладению «пространствами, в которых и за которые не надо конкурировать». Утверждается, что, в противоположность этому, «взрослые» могут терпеть дискомфорт ради дальнейшей цели, у взрослых есть более сложные критерии оценки качества и полезности ситуации, они сами оценивают, что и когда им нужно, и лишены прочих перечисленных слабостей. Приложимость этих идей за границами возрастной психологии достаточно спорна. Установка на освобождение от страдания в свое время стала базовым основанием буддизма, сформировавшего пространство, во всяком случае, требующих к себе уважения и вполне конкурентоспособных во «взрослом мире» идей. Следование моде присуще отнюдь не только детям, и обладает, как модель социального поведения, функциональным смыслом. Установка на рост, если и является порочной, то вместе со всем мейнстримом нашей цивилизации; кстати, единственная вменяемая альтернатива, ей противопоставляемая, именуется «устойчивым развитием», то есть тоже ростом, но сбалансированным.

Прогресс, возможно, и ведет человечество к истощению ресурсов и конечной гибели, но это не значит, будто от него можно отказаться, решив жить скромнее. Никакой аскетизм не позволит человечеству выжить, отказавшись от современных технологий, при той численности, какой оно достигло. Что касается обретения эмоционального опыта, представить себе развитие личности вне его нельзя; жаль, если современная психологическая наука сделает шаг назад от времен К. Г. Юнга, когда естественным полагалось продолжение процесса индивидуации на протяжении всей жизни.

Наконец, нельзя не назвать ограниченным взгляд, согласно которому конкуренция есть всеобщий, абсолютный закон общественных взаимодействий. А проду-

цирование виртуальных миров, собственно, называется творческой деятельностью, отнимать право на которую нельзя ни у одного человека. Эти миры не обязательно будут обретать формы, делающие их ценными и для окружающих, не всем быть профессиональными писателями и художниками, но сохранение и развитие способности к творчеству жизненно важно для каждого человека, почти любой профессии.

Ярлык инфантилизма, вообще говоря, как героям, так и идеологии историй о Максе Фрае, если уж полагать этот цикл знаковым в смысле явления в нашей культуре инфантильного героя, подходит не очевидно. Ни самого Макса, ни его окружение нельзя назвать людьми бездеятельными; вообще говоря, конечным выражением их интенций становится демиургическая активность, а демиургов и богов с очень большой натяжкой можно называть инфантильными. Разумеется, они исповедуют крайний эгоизм, но это не мешает им весьма интенсивно оказывать помощь нуждавшимся в таковой.

На самом деле, в подобной схеме инфантильными могут быть названы большинство героев мировой литературы и кинематографа, начиная с первых фиксаций мифов. Критерий, с помощью которого в данной системе понятий определяется инфантильность, не всегда артикулируется. Однако обнаружить открытые выражения исходной для него позиции не представляет труда. Так, в программе Сванидзе «Суд времени» на петербургском канале от 2 сентября 2010 с полемикой вокруг личности Петра Великого, один из участников, позиционируемый как эксперт, высказывает мысль об исторической оправданности как репрессивных методов, применявшихся Петром во внутренней политике, так и ужесточения крепостного права. При этом звучат характерные высказывания о будто бы имевшей место, в рассматриваемой исторической ситуации, готовности людей жертвовать своей свободой и жизнью ради неких высоких целей (как будто не было Кондратия Булавина, а потом Емельяна Пугачева; про бунты 1812 года, впрочем, в полемике было упомянуто). Вот это и есть действительный критерий: социальное поведение, не включающее модели служения и жертвенности, называется инфантильным. Разумеется, неприемлемой при этом оказывается и толерантность.

Любопытной оказывается параллель к литературной игре, осуществленной А. Рудаковым в одном из эпизодов цикла «Архимаг» (2004–2010). Героиня, не слишком сведущая в этнографии, приглашена на похороны вождя клана дэвкаци (метисы людей и дэвов) и, неожиданно для себя узнает, что в поминальной трапезе ей был предложен кусочек мяса умершего. Пытаясь найти компромисс между собственным отвращением к каннибализму и опасением оскорбить хозяев нарушением традиции,

¹ Антонов С. А. Тонкая красная линия. Заметки о вампирической парадигме в западной литературе и культуре // Гость Дракулы и другие истории о вампирах. Антология. М., Азбука-классика, 2007.

героиня твердит себе: он был не совсем человек. Это — классическая модель защитной реакции психики члена массового общества на «внештатную ситуацию». Нарушать нормы можно, но за пределами «своего» пространства, или — перестав принадлежать своему сообществу. Вообще говоря, эта модель поведения органична не модерну, а архаическим эпохам. И здесь мы подходим к сути вопроса.

У А. Дугина есть примечательная мысль касательно неизбежности перехода проекта модерн в постмодерн. Речь идет о том, что модерн, собственно, не проект в смысле ориентации на некую идеальную модель, а вектор движения. Этот тезис соотносится с положениями ряда авторов (прежде всего, Э. Гидденса), говорящих о «высоком модерне», и является антитезой в отношении воззрений, согласно которым постмодерн есть тотальное отрицание модерна. Но, быть может, окажется возможным совместить эти контрарные перспективы, посмотрев на них с точки зрения артикуляции процессов идентификации применительно к условиям глобализации.

Теоретическая и практическая значимость проблематизации глобализации в контексте анализа процессов идентификации очевидна. Концепт глобализации относится к числу определяемых в науке наиболее противоречиво, его обсуждение порождает полемику, которую трудно назвать продуктивной в силу несовместимости логик формулируемых идей, их внеположенности друг другу¹. Объясняется это просто: глобализация не отно-

сится к числу процессов, в отношении которых ученый может, хотя бы условно, стать в позицию объективного стороннего наблюдателя. Интенциональность, оценочные суждения неизбежно присутствуют в теоретических построениях, придавая им тот уровень субъективности, на котором утрачивается потенциал верификации. По сути, сторонники различных интерпретаций глобализации говорят о разных вещах, называя их одним именем. Между тем, уровень субъективации интерпретаций может быть радикально снижен, если на место конструируемых искусственно, по собственным правилам проектируемых идентичностей, с позиций которых оценивается глобализация, поместить идентичности, которые действительно будут формироваться в конструируемом глобализацией пространстве.

Даже на протяжении относительно короткого периода доступной достоверному анализу истории человечества неоднократно менялись типы социальной организации, не говоря уже о конкретных субъектах исторического процесса. Сложные открытые самоорганизующиеся системы не могут быть адаптивными, не изменяясь.

При этом каждое масштабное изменение с позиций индивидов и групп, адаптивных по отношению к предшествующему типу социальной организации, не может представляться иначе, чем катастрофой. «Все, что ты знаешь, подошло к концу», писал Синезий, выражая миропонимание значительной части свидетелей последних десятилетий Западноримской империи. Разумеется, с таких позиций представить объективную картину происходящего невозможно. Неэффективны и попытки дать балансные оценки, подсчитывая соотношения потерь и приобретений. Старый и новый миры нельзя сравнивать по компонентам, выявляя, что стало лучше,

// Независимая газета. 2008. 3 мая; Шерстнев М. А. Глобализация — новое слово или новое явление? // Экономические науки. 2006. №4. С. 37–41; Загладин Н. В. Глобализация в контексте альтернатив исторического развития // МЭиМО. 2003. № 8. С. 3–10; Зубченко Л. А. Глобализация — настоящий разрыв XX века: (Сводный реферат) // Социальные и гуманитарные науки: Отеч. и заруб. лит-ра. Сер. 2. Экономика: РЖ / ИНИОН РАН. 2002. № 1. С. 52–60; Рупова Р. М. Антиглобалистский оптимизм А. Шюца и К. Гирца // Социологические исследования. 2008. № 4. С. 138–143; Архипов А. Ю., Мартишин Е. М., Фомичева Е. В. Развитие России в условиях глобализации мировой экономики // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2008. Т. 6. № 3. С. 150–168; Зарубина Н. Н. Деньги и культура богатства: перспективы социальной ответственности бизнеса в условиях глобализации // Социологические исследования. 2008. № 10. С. 13–23; Многоликая глобализация / Под ред. П. Бергера и С. Хантингтона; Пер. с англ. В. В. Сапова под ред. М. М. Лебедевой. М.: Аспект Пресс, 2004; Стиглиц Дж. Ю. Глобализация: тревожные тенденции / Пер. с англ. и примеч. Г. Г. Пирогова. М.: Мысль, 2003; Чешков М. Глобализация: сущность, нынешняя фаза, перспективы // Pro et Contra. Том 4, №4. Проблемы глобализации. С. 114–127.

¹ Jameson F. Postmodernism, or, The Cultural Logic of Late Capitalism. Durham, NC, 1991; Ritzer G. The McDonalds Thesis. London, Sage, 1998; Albrow M. The Global Age. Stanford 1997; Bauman. Z Time and Space Reunited // Time & Society. 2000. Vol. 9, pp. 171–185; Global Modernities. Ed. By M. Featherstone, S. Lash, R. Robertson. London, Sage, 1995; Robertson R. Globalization. Social theory and global culture. London, Sage, 1992; Waters M. Globalization. London-NY, 1995; Андрей Девятков: Богатство по-китайски, русский купец старовер и глобализация // РОЛ. 2002. 8 января; Philip G. C. Globalization and the Residual State: The Challenge to Viable Constitutionalism // Designs for democratic stability: studies in viable constitutionalism / ed. A. Ba-aklini and H. Desfosses. M.E Sharpe. N.Y., London, 1997; Stiglitz J. Globalization and its Discontents. N.Y., 2002; Интригейтор М. Д. Глобализация как источник международных конфликтов и обострения конкуренции // Сценарии Интернет. 2001. № 6 (10 июня); Глобализация — процесс положительный, но не на сто процентов. Интервью с Джагдишем Бхагвати // Эксперт. 2004. 28 июня; Шерстнев М. А. Глобализация – новое слово или новое явление? // Экономические науки. 2006. №4; Кувалдин В. Глобализация — светлое будущее человечества? // Сценарии Интернет. № 6 (10 июня). 2001; Bivens Josh. Everybody Wins, Except for Most of Us. What Economics Teaches About Globalization. N.Y., Penguins. 2008; Зайко А. В. Антиглобализм как деконструктивизм // Глобализация в социально-философском измерении. Сборник материалов конференции. СПб. 2003; Смирнягин Л. В. Восьмая культура капитализма

что хуже. Это просто разные способы жить, не подлежащие сравнению.

В то же время, общество может и должно корректировать происходящие изменения. Но такая корректировка принесет пользу, а не вред, только в том случае, если будет осуществляться с позиций не прошлого, а будущего. А для этого необходимо описать перспективные модели идентификации, которые сегодня неизбежно должны быть, так или иначе, соотнесены с воздействиями процессов глобализации.

Рациональная критика глобализации артикулирует негативную трактовку ее субъектности. «Транснационал западного происхождения паразитирует на объективных глобальных тенденциях, на глобалистской энергетике, использует достижения глобализации и ресурсы развитых стран для всемирной экспансии. Главным субъектом глобалистской экспансии является Федеральная резервная система США. Расистский по своей сути новый миропорядок можно установить только силой... западная цивилизация вынуждена отказываться от своих фундаментальных ценностей, сворачивать свободу личности, — главное завоевание Запада за последние три века. Отступая от своей системы ценностей, Европа переживает кризис идентичности»¹, утверждает В. Аксючиц. Впрочем, он же совершенно справедливо замечает, что ни одна антиглобалистская идеология не способна глобально осознать процессы глобализации, и, следовательно, предложить достойную альтернативу, а революционные противники глобализации, как правило, не отделяют объективные процессы всемирной интеграции от тоталитарных форм наведения нового мирового порядка. Пафос проводимой в данном случае мысли состоит в противопоставлении «однополярному» миру «многополярного»; на деле, впрочем, всегда подразумевается биполярность, поскольку утверждается необходимость консолидации противников «глобалистской экспансии».

В основе ряда популярных концептуализаций глобализации, включая и схему И. Валлерстайна, лежат методологические основания, по сути, не позволяющие действительно интерпретировать в его уникальности этот феномен. В теоретическом пространстве «мир-системных» построений описываются, разумеется, имеющие место процессы отношений ядра, полупериферии, периферии мира-системы, но называть это собственно глобализацией — значит, использовать еще один деноат для определения уже представленного референта. Тем не менее, «мир-системный» подход является одним из наиболее авторитетных в палитре антиглобализма, и

интенсивно прилагается к российскому случаю. «Изменить свое положение в миросистеме на более выгодное Россия может лишь меняя ее целиком»², пишет В. Мартьянов, прокламируя отказ от популярных в России национальной и цивилизационной парадигм в пользу более широкой — миросистемной.

Обращение к предшественнику И. Валлерстайна в строительстве теории «мира-системы», Ф. Броделю, позволяет увидеть, что данная логика описания применима отнюдь не исключительно к современной ситуации. Империи существовали всегда, далеко не все из них предполагали политическое единство; афинская архэ, венецианский и генуэзский архипелаги, Ганза выстраивали иерархические миры-экономики. Конечно, современный империализм, государственный или корпоративный, отличается от прежних форм, возможно, и в такой степени, что это предполагает использование нового термина, но вряд ли стоит сводить к его проявлениям процессы глобализации. Миграция товаров, идей, людей всегда имела место, о полной изоляции регионов нельзя говорить даже для эпохи неолита. Но в конце XX века принципиально иными становятся интенсивность и смысл их взаимодействий. В обмен вовлекается действительно все население, исключая наименее развитые регионы, а главное, именно на этом обмене построена современная цивилизация. Поэтому в глобализации нельзя выделять, в качестве автономных, аспекты, присваивая им позитивные или негативные характеристики, отделяя друг от друга экономические, культурные, политические интегративные процессы. Они взаимообуславливают друг друга.

Но потенциально глобализация подразумевает и изменения более глубокие, определяемые переходом от иерархической мегасистемы к диссипативной. Речь идет не только о размывании границ национальных культур, отмирании национальных государств; чтобы быть успешной, глобализация должна сменить иной и привычную модель корпорации. В тех же Венеции, Генуе, ганзейских городах торговые дома сохраняли свою идентичность, клановый характер, столетиями; XX век тоже породил ряд устойчивых корпораций. Но сегодня преемственность лишается смысла. Трилистник Ч. Хэнди рационален потому, что минимизирует рентные, по своей природе, платежи. Фирма объединяет в качестве сотрудников, лишь тех, кто в данный конкретный момент нужен. Столь же легко меняется ее профиль, и это не проявление постмодернистской ориентации на модель коллажа, а очищение от наслоений сущности бизнеса, которая есть получение прибыли и ничто больше.

¹ Аксючиц В. Не глобальность глобализации // Интернет-журнал Сретенского монастыря. 26 / 11 / 2005. <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/print402.htm>

² Мартьянов В.. Россия в трансформирующейся миросистеме // Стратегия России. 2008 № 3, Март.

По сути, речь идет о следующем шаге в «разволшебствовании» бизнеса, пользуясь формулой М. Вебера, вслед за утверждением первичности маркетинга в отношении производства, сформулированным Т. Левиттом в 1961 году. Схема Ч. Хэнди описывает дальнейшие естественные шаги, окончательно заменяющие тип корпорации, утвердившийся в индустриальную эпоху, иным. И сопротивление этому процессу диктуется, с одной стороны, тем страхом перед переменами, неспособностью к адаптации, о которых пишет сам Ч. Хэнди, а с другой — инерцией, определяемой незавершенностью процессов гомогенизации. Ряд регионов просто не прожил еще эпоху индустриализации, смысл которой состоял в создании массового производства, обеспечивающего удовлетворение стандартизированных элементарных потребностей абсолютного большинства населения. Естественно, что они продуцируют доиндустриальные модели идентификации; абсурдным представляется механический перенос соответствующей аргументации в российские условия. Тем не менее, именно это происходит.

Т. Алексеева, опираясь на данные ФОМ, демонстрирует, как в массовом сознании россиян «традиция постоянного ожидания одобрения со стороны «вожака стаи» преобразуется в «сложный комплекс ксенофобии и поклонения» по отношению к иностранцам¹. Механизм этого процесса представляется достаточно очевидным. Групповая идентификация не может быть реализована иначе, чем посредством отграничения «своей» общности от «чужих»: если общность, принадлежность к которой в процессе идентификации закрепляется, не определена, индивид должен будет мыслить себя как принадлежащего к человечеству в целом, но последнее настолько разнообразно, что отождествление с проектируемыми характеристиками окажется слишком сложной операцией.

Как пишет М. Ремизов «ответом на вызов общественного распада и является национализм, поскольку он дает членам общества прочное основание для взаимной солидарности. Это единственный шанс на воссоздание целостности нашего общества»². Однако солидарность при этом выстраивается именно на основе дихотомии «свой-чужие», которая, в свою очередь, неизбежно будет доводиться до описаний противостояния, в самом простом случае — по модели «осажденной крепости». Таким образом, национальная общность определяется

через отношение к другим национальным общностям. При этом, естественно, предполагается сравнение, а оно может оказаться и в пользу «чужих», прежде всего, в силу того, что национализм выполняет мобилизационную функцию, а объединить, подвигнуть на жертвы во имя национального интереса, можно только указав на реальную опасность этому интересу.

Героическое самопожертвование выступало необходимым компонентом националистической идеологии с того момента, когда, собственно, можно говорить о рождении национально-государственных образований. При этом первоначально оно, в ряду других компонентов идеологии «осажденной крепости», противопоставляется установке на социальные преобразования. Популярный русский нигилист не случайно формулирует афоризм «жертва — сапоги всмятку». Растворение личности в национальном единстве, отождествление своего «я» с социальной общностью, предполагает готовность индивидуальностью пожертвовать во имя этой общности, поскольку часть заведомо менее значима, нежели целое. А на фоне такой готовности ошибки и преступления власти не фиксируются, списываются на происки «чужих». Трудно представить себе народовольцев искренне влившимися в театральную публику, в едином порыве встающую, аплодируя увертюре оперы «Жизнь за царя». Но в этом случае не происходит действительной эмансипации. Один тип групповой идентификации просто заменяется другим, принадлежность к общности верноподданных российского императора принадлежностью к общности цареубийц, столь же нетерпимой к ренегатам.

Возвращаясь к тезисам А. Дугина, мы можем выделить ключевую оппозицию: «речь идет о тотальном освобождении индивидуума от всего — от государства, от класса, от экономических границ, от этноса, от религии; от всего, что придает индивидууму внеиндивидуальную модель идентичности, включая гендер, и является преградой на пути торжествующего движения победившей модели модерна, очищенного от всех посторонних моментов»³. Оставляя в стороне тезис А. Дугина об «устремленности в ничто» (имеющий смысл в историко-философском плане, но не в историко-социологическом, где он становится похож на гипотезу о суицидальной природе социализма И. Шафаревича), выделим главное. Тенденция мировой истории — создание условий для освобождения процесса идентификации от внеиндивидуальных форм. Разумеется, абсолютизация этого тезиса приводит к абсурду, очищению личности от

¹ Алексеева Т. Россия в пространстве глобального восприятия // Международные процессы. Журнал теории международных отношений и мировой политики. 2010. Том 8, № 2(23). май-август.

² Ремизов М. Апология национализма // АПН. 2006. 27 ноября. <http://www.apn.ru/publications/article11011.htm>

³ Дугин А. Социокультурная метрика (Современная идентичность России) // http://konservatizm.org/index2.php?option=com_content&task=view&id=127&pop=1&page=0

социального, то есть действительно исчезновению человека. Но такое возможно лишь в теории и попытках ее воплощения в личном опыте фанатиков. В реальности просто коллективные формы идентификации вытесняются сетевыми.

Разумеется, личность не может сложиться вне культурных воздействий; в этом варианте мы получим «айверонского ребенка», и то, в лучшем случае. Но есть огромная разница между тоталитарным вариантом социализации (как в анабаптистских и гуттерских общинах XVI–XIX века, фашистской Германии, СССР 30-х — первой половины 50-х годов), и случаем формирования личности в современных обществах. Разумеется, назвать этот процесс полностью свободным, автономным, нельзя, потому что ребенок не рождается сложившейся личностью, его развитие неизбежно происходит под внешними воздействиями. Вопрос в том, какие наборы стереотипов и какими путями ему навязываются. Здесь нечего добавить к положению В. Соловьева: демократизм общества может быть обеспечен только правом

граждан свободно менять подданство и вероисповедание.

Точно подмеченная А. Дугиным неспособность модерна развиваться на собственной основе определяется тем, что он частично интегрировал в себя архаику, не смог ее полностью преодолеть. Преодолеть не значит уничтожить, постмодернистская эпистема не ликвидирует архаику, но включает ее на иных основаниях, как проявление плюрализма. Модерн пытался соединить несоединимое, как суверенитет национальных государств с обладанием оружием, способным многократно истребить человечество. Он пережил свое время потому, что модели идентификации не меняются мгновенно. Среди нас миллионы людей, для которых вместе с модерном уходит все, что они знали об этом мире — но, в то же время, сотни миллионов тех, кто просто никогда не задумывался о том, что такое модерн. Важно лишь, чтобы им не навязывались те или иные модели идентификации только потому, что с чьей-то точки зрения все иные являются ложными.

